

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Л. Л. Гуревич

**ОБ АРХИТЕКТУРЕ МУСУЛЬМАНСКИХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПЕНДЖИКЕНТА
(Таджикистан)**

На восточной окраине современного Пенджикента, в ограде кладбища Кабристони Калон (Большое кладбище), возвышаются три мазара¹ местных ишанов (духовных наставников мусульман), построенные в XIX — начале XX в. Это постройки айванного² типа из дерева и глины, прямоугольные, почти квадратные в плане, имеющие по три глухих стены и раскрытые в четвертую сторону широкими одноколонными порталами. Облик мазаров поражает цельностью и тектонической образностью. Все внимание зрителя концентрируется на колонне портала, несущей тяжесть деревянного бруса архитрава, балок и толстой глинобитной кровли, немного выступающей из плоскости портала П-образным навесом. Архаический облик трех мазаров воскрешает в памяти образы древних святилищ Эгейского Средиземноморья. Особенно поражает воображение мазар Ишони Хофиз, портал которого включает треугольник сквозного фронтона под двускатной кровлей. Как появилась такая форма в местной архитектурной традиции?

Для традиционной строительной техники монументальных сооружений Средней Азии характерны плоские кровли, и появление фронтонов в этой традиции невозможно³. Правда, двускатные кровли известны в легких постройках торговых помещений конца XIX — начала XX в., целые ряды которых можно видеть на дореволюционных фотографиях старого Самарканда. Скорее всего их форма была заимствована у русского населения Средней Азии во второй половине XIX в. Однако вряд ли такое новшество могло распространиться на строительство мусульманских мазаров. Возможно, двускатная кровля появилась на

¹ Мазар (здесь букв. «мавзолей») — слово арабского происхождения, означающее «место паломничества».

² Айван — помещение, раскрытое в одну сторону, в данном случае одноколонный портик в антах.

³ Исключение составляет сугубо местный вариант двускатного перекрытия жилищ локайцев в Южном Таджикистане, описанный В. Л. Ворониной [8, с. 138—141, рис. 1, 2].

Верхнем Зеравшане (регионе, в который входит Пенджикент) независимо от внешних влияний.

Судя по конфигурации территории кладбища, самым старым был небольшой участок, прилепившийся к дороге. Здесь построен мазар Ишони Хофиз, имеющий фронтон. Мазары Джияншейх Бобо и Хушофиз находятся на территории, занятой погребениями позже, на значительном удалении от дороги, там же расположен мазар Халифá Хасан — купольное сооружение из жженого кирпича, являющееся местом погребения праведника, жившего в XIX в. и прославившегося сооружением каналов в окрестностях Пенджикента. Этот мазар возведен в 1873 г. [1, с. 165].

Расположение трех айванных мазаров дает основание считать, что мазар Ишони Хофиз — самый старый среди трех дерево-сырцовых мазаров кладбища. Он единственный из них не сориентирован порталом в сторону Самарканда, признаваемую мусульманами Пенджикента как кыбла — направление к Мекке, принимаемое во время молитвы. Только в этом мазаре есть стационарное устройство для возжигания ритуального огня под глинобитным сводиком, что является свидетельством пережитков домусульманского культа. Эти особенности повышают интерес к вопросам времени возникновения и формообразования мазара⁴.

Мазар Ишони Хофиз считается могилой ишана Ходжа Хофиз Бобо (хофиз — чтец Корана), одного из родственников ишана Шерсавор (Оседлавший льва), жившего в горном кишлаке Рават, в верховьях Зеравшана. Местные жители считают, что мазару около 200 лет⁵. Мазар представляет собой квадратную в плане (650×650 см), раскрытую портиком на север постройку (рис. I, 1). Максимальная высота внутреннего пространства, перекрытого двускатной кровлей, — 240 см, минимальная — 165 см. Каркас стен состоит из ортогональной решетки перевязанных врубками брусьев прямоугольного сечения около 20×20 см, дополненной круглыми подкосами диаметром от 10 до 13 см, промежутки между которыми заполнены сырцовым кирпичом, комками глины и замазаны глиняным раствором. Кровля — из наклонных круглых балочек диаметром 10–13 см, на них прутья, рогожи и глиняно-земляное покрытие. Коньковое бревно диаметром 29 см в передней части отесано до бруса сечением 26×19 см, который лежит на архитраве портала, выступая торцом на 34 см из его лицевой плоскости. Это бревно подпирают три внутренних столба — круглый, вмазанный в заднюю

⁴ Сведения о времени постройки мазаров и о захоронениях были получены путем опроса местного населения, в котором принял участие филолог-иранист И. М. Стеблин-Каменский. Сотрудниками Пенджикентской археологической экспедиции — архитектором Н. П. Егоровой, студентами-архитекторами С. П. Гасюном и А. Е. Ильиным, студентами-историками И. Л. Кызласовым и В. Г. Шкодой — под руководством автора настоящей статьи в 1971 и 1972 гг. были произведены архитектурные обмеры трех мазаров, позволившие составить чертежи и описание памятников. (Пользуясь возможностью выразить признательность участникам работ за помощь в сборе материала.)

⁵ Судя по состоянию конструкций, возраст мазара преувеличен.

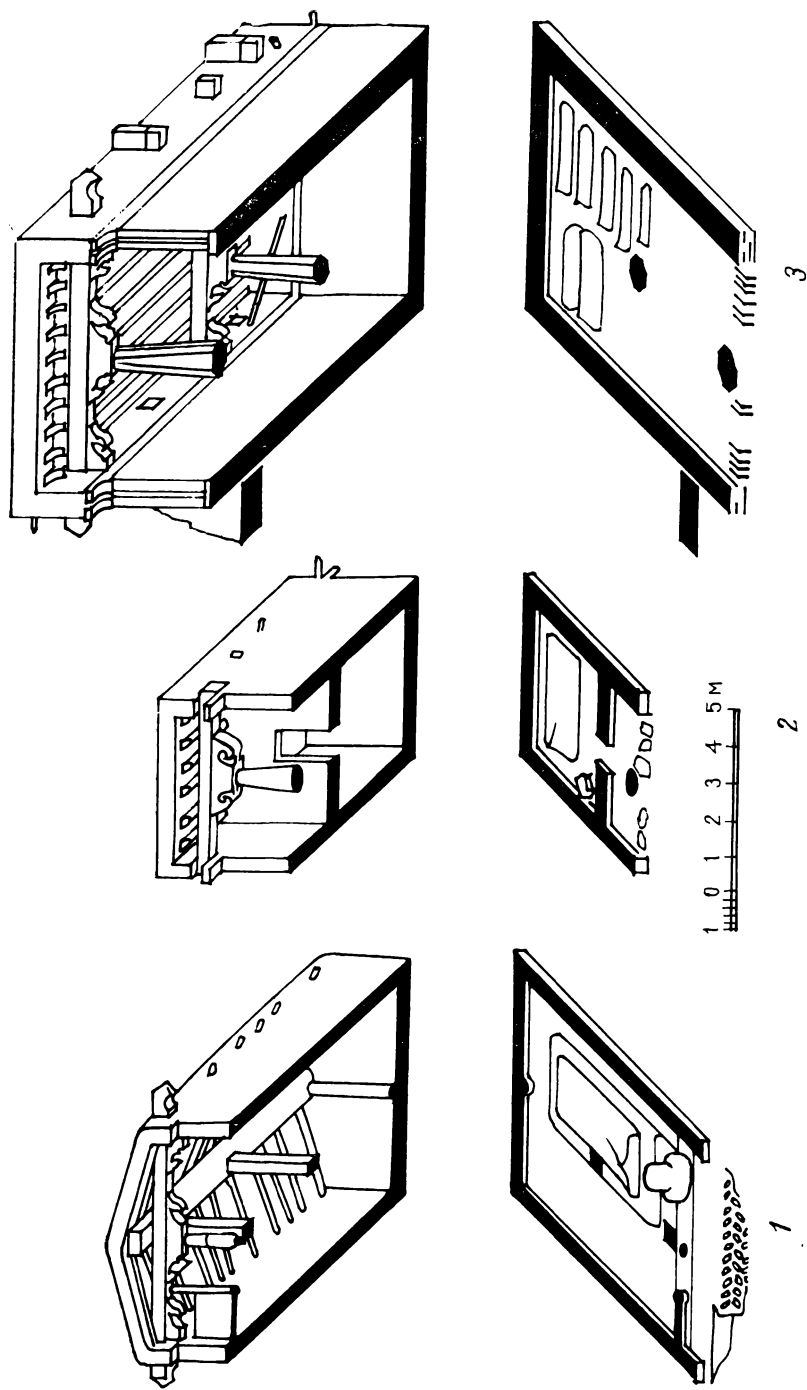

Рис. 1. Мазары кладбища Кабристони Калон в Пенджикенте. Аксонометрия
1 — мазар Ишони Хофиз; 2 — мазар Джаншейх Бобо; 3 — мазар Хушфиз

стену, восьмигранный в центре мазара и прямоугольного сечения, приставленный сзади вплотную к резной колонне портала.

Маленькая деревянная база колонны закреплена в пороговом бруске портала. Диаметр шейки основания ствола — 10 см, выше — резная полусфера деги (от слова дег — котел), переходящая в оконтуренные глубокой резьбой фигуры фестонов мадохил, сливающиеся вверх в сплошную поверхность слабо-выраженного конуса нижней трети колонны. Над нею узкий (5 см) поясок резных арочек, выше которых ствол восьмигранный. Диаметр деги и пояска арочек — 20 см, арочки и грани еле заметно нависают над конической частью ствола. Высота колонны от шейки основания до подбалки — 159 см. На ствол опирается резная подбалка формы яккамадохил сечением 20×20 см, длиной 175 см. Вместе с двумя подбалками-кронштейнами того же сечения и рисунка, укрепленными в боковых стенах, длиной по 83 см она несет брус архитрава сечением 20×20 см, который протыкает боковые стены с выносом резных торцов на 33—35 см за боковые стены. По данным А. К. Писарчик, форма подбалок, представленная здесь, была принята в постройках Самарканда лишь до 80-х годов XIX в. и является «довольно точным датирующим признаком» [19, с. 102].

Торцы боковых стен и фас цоколя, сложенного из крупной гальки, на 30 см выступают вперед из плоскости ордерной конструкции; торцы брусев верхней обвязки каркаса стен и покоящийся на них двускатный торец кровли выдвинуты еще на 10 см. Восточная сторона проема портала заслонена дерево-сырцовой перегородкой, подведенной под архитрав. Против открытой западной части цоколь расширен на 35 см.

Низкое сырцово-глинобитное надгробие расположено вдоль линии внутренних столбов и захватывает своим расширившимся при ремонтах восточным краем основания двух из них. Габариты надгробия в плане — 480×250 см, максимальная высота — 86 см. С севера от надгробия, под архитравом, расположено сырцово-глиняное круглое двухступенчатое устройство для ритуального огня и воскурений — чирагдон, или шамдон; топочная ниша его обращена к надгробию, с которым оно соединено низкой (11 см) платформочкой. Общая высота чирагдона — 57 см, диаметр ступеней — 67 и 39 см.

Мазар Джаншейх Бобо, или Бобо Охун (д), — могила ишана Ходжа Охун (д) Бобо (охунд — духовное звание, учитель) (рис. I, 2). О времени его постройки не удалось узнать ничего определенного. Эта прямоугольная в плане (483×440 см) дерево-сырцовая постройка высотой 280 см имеет внутреннее помещение (414×313 см в плане) с надгробием (размеры 190×97×50 см) и одноколонный портик-айван глубиной 140 см, обращенный на запад⁶. Плоское перекрытие из круглых балок диамет-

⁶ В отличие от мазара Ишони Хофиз здесь композиционная ось совпадает с функциональной, так как мусульмане совершают поклонение могиле, стоя спиной к кыбле — в данном случае к западу.

ром в среднем 13—15 см и настила из круглых жердей диаметром 5—7 см с обычным глинобитным покрытием опирается на верхнюю обвязку деревянного каркаса стен (сечение брусьев в среднем 15×15 см) и на архитрав портика, выступая за него консолями балок на 26—30 см. Поперечное сечение архитрава — 20×20 см. Опираясь на боковые стены, он не выступает за внешние грани постройки. Высота ствола ограненной колонны — 187 см, диаметр — 30 см внизу, 24 см сверху. Над ней подбалка с рельефными рогеобразными волютами, высота подбалки — 30 см, ширина — 133 см, глубина — 34 см. Она врезана в архитрав на 5—7 см. П-образный козырек над портиком, начинающийся от консолей брусьев верхней обвязки каркаса стен, выходит за фасадную плоскость архитрава на 26—30 см (рис. 1, 2).

Из портика во внутреннее помещение ведет низкая дверь, расположенная на оси постройки, прямо напротив колонны. В северо-западном углу помещения устроен очажок из трех жженных кирпичей.

Мазар Хушофиз (Хуш Хофиз), или Бобо Хофиз, или Ходжа Шейх Бобо, построен, по рассказам старожил, в 1911 г., в нем похоронены семь братьев Шейх Бобо, мюриды халифа Хасана. Из трех айванов мазаров он самый большой и капитальный (внешние размеры 850×700×385 см), порталом ориентирован на запад (рис. 1, 3). Конструкция стен каркасная: двойная решетка из деревянных брусьев сечением 15×15 см с промежутком 13 см, толщина стен — 46 см. Заполнение из жженого кирпича размером 23×23×4 см, из такого же кирпича сложены цоколь и верхняя бескаркасная часть стен, в которую были уложены концы четырех прогонов сечением 28×28 см. Два из них — лицевой, образующий архитрав портала, и третий от фасада — опираются кроме стен на колонны в середине пролета; второй и четвертый не имеют промежуточных опор. Для разгрузки длинных пролетов эти прогоны были удлинены с каждой стороны на 30 см, и образовавшиеся консоли нагружены кирпичной кладкой, образующей прямоугольный выступ в кирпичной стене до самого верха. В дальнейшем пролетные части второго и четвертого прогонов были ликвидированы, от них остались только консоли.

Фасадная колонна восьмигранная, диаметром от 28 см сверху до 40 см внизу, высотой 240 см. Над нею резная подбалка формы кушмадсхил длиной 205 см, высотой 30 см, врезанная на 2 см в архитрав. Ей соответствуют два кронштейна той же формы высотой 27 см, выступающие из боковых стен. Архитрав проходит сквозь боковые стены и выступает фигурными консолями на 50—59 см за боковые стены. Конструкция внутренней колонны и прогона над ней аналогична, только вынос консолей составляет 30 см. По прогонам уложены балки прямоугольного поперечного сечения 25×17 см, выходящие на фасад резными консолями; промежутки между ними забраны деревянными щитками в одной плоскости с вертикальными (внешней и внут-

ренней) поверхностями архитрава. Следы подобных щитков и над третьим прогоном. По опросным сведениям, щитки были установлены лишь во время третьего ремонта мазара. Для укрепления двух задних углов стен в кирпичную кладку вставлены два горизонтальных бревна диаметром по 15 см и длиной по 2 м, по диагонали соединяющие стены мазара. Покрытие мазара состоит из круглых жердей (или прямоугольного сечения брусьев — над консолями балок по фасаду) и обычного глинобитно-земляного покрытия с бортиком из жженого кирпича по периметру высотой 30—35 см. Общая высота кирпичной кладки над каркасом стен — 120 см. На фасаде эта стена, выдвинутая вперед на 30—40 см, повисает на резных консолях верхнего пояса каркаса стен, образуя боковые стенки козырька над порталом. Фасад архитрава глубже этого козырька на 62 см. Покосившаяся северная стена подперта снаружи доходящим до основания кронштейнов контрфорсом из жженого кирпича.

Внутри мазара семь надгробий: два — в северной половине, пять — в южной.

При сопоставлении три мазара выглядят как последовательные фазы развития одного архитектурного типа — одноколонного портика с архитравом и козырьком над ним. Это развитие можно усмотреть в повышении четкости и сложности построения внутреннего пространства — от локатого пещерообразного в мазаре Ишони Хофиз к геометрически строгому в мазаре Хушофиз, в увеличении внутреннего пространства, в усложнении структуры, приводящем к противоречивости, выразившейся в расположении колонны портика и двери внутреннего помещения на одной оси, в мазаре Джияншейх Бобо. Двускатное перекрытие заменяется массивным плоским. Каркас стен упорядочивается. Изменяется соотношение главной колонны и архитрава. В наиболее архаичном мазаре Ишони Хофиз вершина фронтона и торец подкосьного бруса фиксируют положение и значимость колонны, а наклон крыши подчеркивает размах архитрава. Вместе торец бруса, архитрав и колонна образуют крест, доминирующий в облике портала. В мазаре Хушофиз выделяется Т-образное сопряжение колонны и архитрава, подчеркнутое выносом козырька. В мазаре Джияншейх Бобо архитрав теряет значимость, а колонна, наоборот, ее приобретает благодаря массивности и пластичности. Козырек достигает максимального выноса.

Смена структурных состояний архитектурного типа, наблюдаемая в мазарах, прослеживается в виде более протяженных последовательностей в подробно изученных древних архитектурных традициях Средиземноморья. В обобщенном виде они представлены нами на рис. II, где пронумерованные вертикальные оси обозначают универсальные структурные состояния архитектурного типа, а помеченные буквами ряды — региональные архитектурные традиции. Располагаем ли мы достаточным материалом для составления среднеазиатской линии развития?

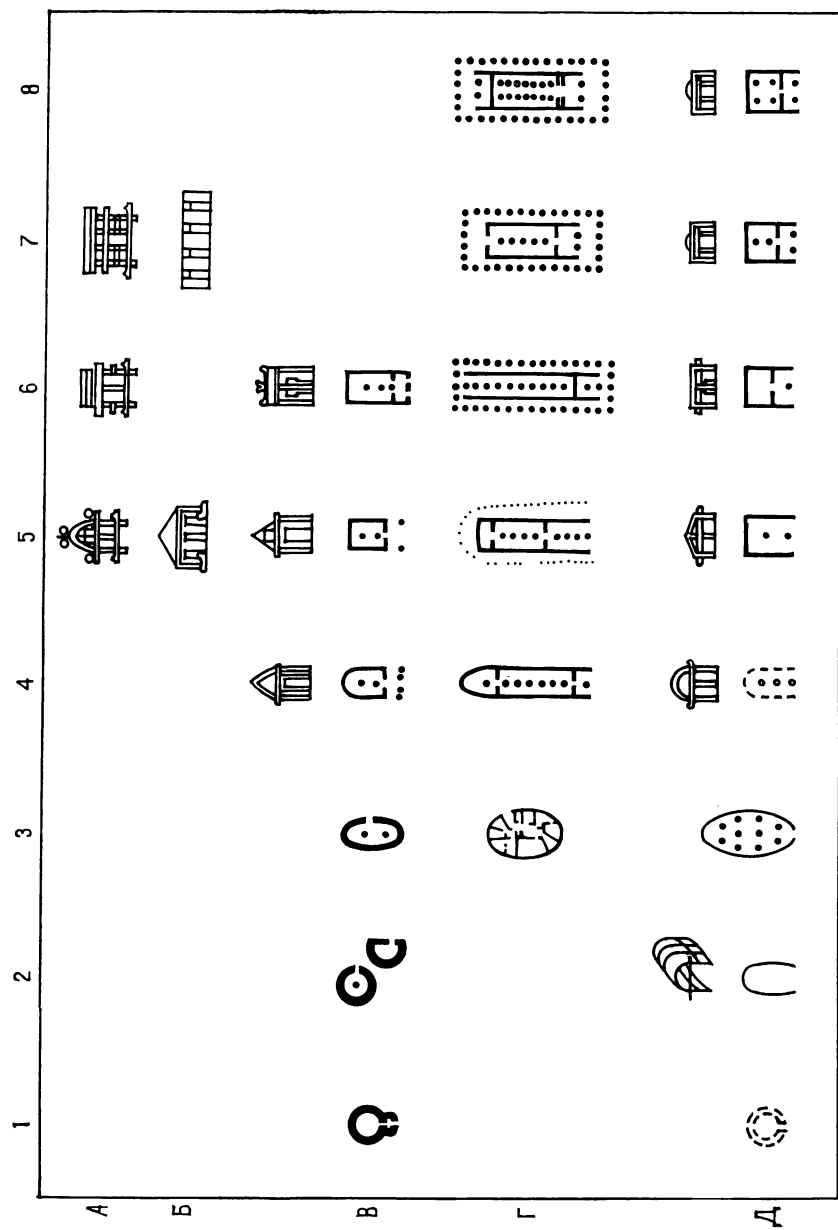

Рис. 11

Рис. II. Схема развития сооружений с портиками. Схемы памятников даны в произвольных масштабах.

- А — скальные гробницы Ликии, VII—V вв. до н. э. (Малая Азия):*
А5 — в Мире [4, рис. 45; 9, табл. 112—2];
А6 — в Пинаре [4, рис. 46, 1];
А7 — в Феллосе [4, рис. 44; 9, табл. 112—4].
- Б — скальные гробницы Пафлагонии (Малая Азия):*
Б5 — в Гамбаркайя, конец VIII в. до н. э. [9, табл. 111—1,2];
Б7 — в Ассаркейкайя [9, табл. 111—4].
- В, Г — в архитектуре Эгейского мира и древней Греции.*
- В — простые (однокамерные с портиком) сооружения:*
В1 — толос с Мегазе (Крит), рубеж IV и III тысячелетий до н. э. [13, с. 167, рис. 4];
В2, 3 — жилища эпохи ранней бронзы [34, с. 23—40, табл. 36, 37, 39, 40];
В4 — Перахора, храм Геры Акрайи, вторая половина VIII в. до н. э. [15, с. 20, рис. 2];
В5 — Дрерос (Крит), храм VIII в. до н. э. [15, с. 26, рис. 6], Аргос, Герайон, храм, вторая половина VIII в. до н. э. [15, с. 20, рис. 2];
В6 — Приния, храм А, конец VIII в. до н. э. [15, с. 26, рис. 7].
- Г — сложные (многокамерные) сооружения:*
Г3 — Хаманци (Крит), овальный дом, рубеж III и II тысячелетий до н. э. [13, с. 168, рис. 3];
Г4 — Фермос, мегарон А, конец II — начало I тысячелетия до н. э. [15, с. 19, рис. 1];
Г5 — Фермос, мегарон Б, X в. до н. э. [15, с. 19, рис. 1];
Г6 — Фермос, храм Аполлона, VII в. до н. э. [15, с. 56, рис. 1];
Г7 — Локры, храм, конец VI в. до н. э. [15, с. 101, рис. 62];
Г8 — Посейдония, II храм Геры, V в. до н. э. [15, с. 169—173, рис. 36].
- Д — в архитектуре Средней Азии:*
Д1 — примитивные жилища каменного века;
Д2 — пастушеская хижина каппа, бытующая и в наше время;
Д3 — Заман-баба, жилище эпохи бронзы, первая половина II тысячелетия до н. э. [3, с. 86—87];
Д4 — гипотетическая форма апсидальной постройки (эпохи раннего железа?);
Д5 — Пенджикент, мазар Ишони Хофиз, XIX в.;
Д6 — Пенджикент, мазар Джияншейх Бобо, XX в.;
Д7 — один из типов современного припамирского жилого дома;
Д8 — наиболее распространенный тип современного припамирского жилого дома.

В архитектуре Средней Азии неизвестны другие, кроме мазара Ишони Хофиз, примеры фронтона с архитравом. Одноколонные айваны распространены ныне лишь в жилой застройке отдельных городов — Хивы⁷, Шахрисябза, Карши [7, с. 11, 52] — и в жилище памирских народов, сохраняющем некоторые черты доисламской архитектуры. Прежде они были распространены шире и входили в сооружения общественного назначения. Многие старые мазары верховьев Зеравшана являются одноколонными айванами [6, с. 216] или имеют одноколонный портал [16, с. 7, рис. 45, 46]. Свидетельством существования одноколонных портиков в раннем средневековье служат изображения портала монументального здания в живописи VI объекта древнего Пе-

⁷ В Хиве одноколонные айваны включены также в композицию дворцовых зданий и квартальных мечетей.

нджикента [24, табл. XIII и XV], одноколонных портиков на оссуариях, домашних очажках и заслонках из раннесредневекового Самарканда [20; 21; 23]. Айван с колонной на центральной оси был, видимо, и во дворце правителя раннесредневековой Бухары, построенном, по преданию, «наподобие созвездия Большой Медведицы, на семи каменных столбах» [17, с. 34]. Осевое положение колесницы в проходных портиках и порталах противоречило их назначению, и с повышением функциональной значимости сооружений одноколонные портики вытеснялись портиками с четным числом опор. Подобная эволюция формы портика происходила в древнейшей и античной архитектуре Средиземноморья.

Наиболее ранние мегаронные постройки эгейского мира (рис. II, В5, В6, Г4, Г5) имели ряд столбов по длинной оси и одноколонный портик. Примером могут служить мегароны Элевсина [13, с. 163—167, рис. 1—3]. В сооружениях времени Большого дворца на Крите одноколонные портики оформляли важнейшие пространства парадных проходов и святилищ, например во дворце в Като Закро (XVII—XVI вв. до н. э.) [34, табл. 70, рис. 155], дворце в Фесте (XX—XVI вв. до н. э.), Кносском дворце (начало II тысячелетия — XV в. до н. э.) [13, с. 167, 186, рис. 12, 13, 18, 25]. То же можно заметить и в архитектуре материковой Греции, например во дворце в Пилосе (до XII в. до н. э.) [13, рис. 29] и мегаронах А (рис. II, Г4; конец II — начало I тысячелетия до н. э.) и В в Фермосе (рис. II, Г5; X в. до н. э.) [15, с. 19, рис. I]. В дальнейшем одноколонный портик стал противоречить осевому положению входа. Это видно на примере храма А в Принии (рис. II, В6) (конец VII в. до н. э.) [15, с. 26—27, рис. 7], по пространственной структуре аналогичного мазару Джаншейх Бобо. В середине I тысячелетия до н. э. одноколонные портики с нечетным числом колонн единичны. К ним относятся I храм Геры в Посейдонии (540 г. до н. э.), храм А в Локрах (VI в. до н. э.), храм в Помпеях [15, с. 100—105, рис. 59, 62], сооруженные на периферии расселения греков, где новшества усваивались позднее, чем в метрополии, и два апсидальных здания булевтерия в Олимпии (VI в. до н. э.), архаичная форма которых сохранялась, по-видимому, как реликвия [15, с. 154, рис. 19].

Аналоги айванных построек представляют собой и скальные гробницы Фригии, Пафлагонии и Ликии, воспроизводящие, судя по деталям, форму дерево-сырцовых построек. На их примере можно проследить развитие не только плана, но и конструкции портика. На ранних этапах осевой пилон портика, архитрав и импост, несущий конек кровли, образуют крест, вписанный в раму фронтона и антов. Переход к плоскому перекрытию предшествует переходу к четному числу опор. Это хорошо видно при сопоставлении гробниц в Мире и в Пинаре (рис. II, А5 и А6) [4, с. 252, рис. 43—46; 9, с. 137, 139, табл. 110—112].

Высокая степень изученности архитектуры эгейского мира

позволяет последовательно рассмотреть и ранние этапы эволюции портиковых построек на богатом археологическом материале. Исследование С. Синоса [34] дает возможность проследить происхождение мегарона с четырехстолпным залом и двухколонным портиком от мегарона с рядом столбов на длинной оси и одноколонным портиком. Последний происходит от апсидной постройки, состоящей из двух-трех помещений с рядом столбов на длинной оси и одноколонным портиком, апсидная постройка — от овальной с рядом столбов или без них, овальная — от круглой. Портал появляется на фасаде как обнаженный срез куполообразного или двускатного перекрытия овального здания. Для укрепления этого конструктивно ослабленного среза ставится горизонтальный поперечный брус, соединяющий стены у основания перекрытия и центральный столб. Чем крупнее постройка, чем шире проем портика, тем массивнее должен быть брус — прототип архитрава. Ему придавали особенное, магическое значение, называя тем же словом, что и храм. «„Templum“ означает и здание, посвященное богу, и брус, поперечно положенный в здании» [2, с. 283]. Появившийся на фасаде столб, поперечный брус и фронтоны принимают на себя повышенную смысловую нагрузку, так как первые представляют входящему постройку. Видимо, значимость композиции портала и предопределила формирование ордера, увязавшего в единую систему элементы тектонического, пластического и символического осмысления стоечно-балочной конструкции.

Процесс последовательного перехода от круглых построек к развитым портиковым не был единым в пространстве и времени. По Синосу, он доходит до развитых форм мегарона уже в неолите [34, с. 3—22, табл. 1, 4, 12, 15, 16, 19, 21, 22], но в эпоху ранней бронзы снова начинают с овальных и апсидных форм [34, с. 23—40, табл. 36, 37, 39, 40]. Овальные формы создаются одновременно с Большим Кносским дворцом с его развитыми прямоугольными формами [34, с. 41—72, табл. 41, 43]. В Лерне апсидные постройки средней бронзы перекрывают остатки монументальных прямоугольных зданий эпохи ранней бронзы [34, табл. 35], однако в других памятниках эпохи средней бронзы происходит сложение регулярных прямоугольных форм [34, табл. 77, 81, 86]. В период правления микенских царей можно видеть переход от одноколонных портиков мегаронов [34, табл. 89, 91, 99] к двухколонным [34, табл. 92, 98, 101], но существуют и апсидные постройки [34, табл. 87, 88]. В так называемый геометрический период вновь прослеживается эволюция от овальных форм до мегарона с двухколонным портиком [30, с. 123, 133; 34, табл. 108, 109, 111, 112]. В VI в. до н. э. в Элладе уже перешли к портикам с четным числом опор, а в южно-итальянских колониях возводили капитальные, в дорическом ордере храмы с колонной на оси входа.

На универсальность этапов смены форм построек указал Генрих Дреруп [30, с. 128—133, табл. VI а—с]. Число примеров

можно увеличить за счет других архитектурных традиций. Древнейшие египетские постройки — овальные и апсидные [28, с. 40—42, рис. 2, 3]. В архитектуре древней Армении также можно проследить эволюцию форм сооружения от круглой и овальной [18, с. 253, рис. 1] к апсидной [18, с. 266, рис. 28]. Любопытно, что форма и даже размер помещения и стен апсидных построек — древнегреческого храма Геры Акрайи в Перакхоре (IX в. до н. э.) [30, рис. 24] и древнеиндийской чайтхи в Брахмагири (III в. до н. э.) [14, с. 404, рис. 28] — в точности совпадают: архитектурная логика развития пространственных форм универсальна. Эта универсальность делает логичным предположение, что среднеазиатским сооружениям с одноколонным портиком должны были предшествовать овальные и апсидные постройки.

В традиционном быту современного населения горных районов Средней Азии, в том числе и у таджиков верховьев Зеравшана, до сих пор широко распространена овальная пастушеская хижина каппа. Составляя вместе с тюркскими и монгольскими юртами один класс легких переносных построек, она существенно отличается от них конструкцией. Древняя монгольская юрта и все ее производные сохраняют форму перекрытия конического шалаша [10, с. 88—92]. Юрта древних тюрков, как и все виды тюркских юрт, сохраняет форму перекрытия сферического шалаша [12, с. 22—23]. Каппа всегда овальной формы, с входом на длинной оси. Как и в карлукской (тюркской) юрте, ее каркас образуется пересечением деревянных дуг и не имеет дверной коробки. Но если полусфера карлукской юрты образована вертикальными арками, поставленными в двух взаимно перпендикулярных направлениях, то удлиненная форма каппа всегда образована параллельными вертикальными арками, пересекаемыми параллельными горизонтальными дугами [12, с. 21]. Своеобразие конструкции и преимущественное распространение у таджикского населения дали основание Б. Х. Кармышевой для предположения о том, что каппа сохранила форму жилищ древних ираноязычных кочевников [12, с. 22].

Овальные жилища каркасной конструкции, открытые раскопками в Средней Азии, относятся к эпохам камня, бронзы и раннего железа. Уже в неолите Приаралья это крупные постройки с промежуточными опорами перекрытия [27, с. 68]. Жилище эпохи бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.) в низовьях Зеравшана, площадью около 170 кв. м, со многими очагами внутри, имело несколько рядов внутренних опор, двойной каркас ограждения, покрытый тростником и обмазанный глиной, вход находился на длинной оси овала (рис. II, ДЗ) [3, с. 86—87]. Среди жилищ чустской культуры эпохи бронзы в Фергане есть и овальные полуземлянки [26, с. 44]. Круглые и овальные каркасные постройки эпохи раннего железа (VII—VI вв. до н. э.) в левобережном Хорезме, площадью примерно до 100 кв. м, также заглубленные, имели деревянный каркас —

либо двойной (плетень?), либо похожий на частокол [5, с. 531—532]. Эти древние формы связаны с каппа генетически, как ближайшие звенья одной цепи, но неясно, какие из них старше. Возможно, от неуклюжего овального дома начались две линии развития архитектурных форм: линия создания облегченных построек привела к каппа, линия усложнения стационарного жилища — к прямоугольным формам. Но возможно и другое: если в соответствии с предположением Б. Х. Кармышевой каппа была жилищем пришельцев-кочевников, то стационарные крупные овальные жилища создали их преемники, сохраняя каппа как переносное сооружение в дополнение к стационарному. Этот более вероятный вариант эволюции представлен на рис. II как переход между позициями Д2 и Д3. Но и в этом случае сама каппа, видимо, пришла на смену круглым и овальным примитивным жилищам.

Сохранился след первого структурного усложнения каппа в процессе перехода к более капитальным формам. Это горизонтальный шест, укрепляемый поперек входа для подвески полога. Он усиливает конструкцию арочного проема и в этой функции близок к архитраву архаических сооружений с одноколонным портиком.

Между древними овальными постройками с неупорядоченной системой внутренних опор и двускатными строениями с одноколонными портиками (типа мазара Ишони Хофиз) неизвестно лишь одно промежуточное звено — апсидальная постройка под покатой (двускатной) кровлей (рис. II, Д 4), по структуре аналогичная гарону А в Фермосе (рис. II, Г 4). Таковой в Средней Азии не обнаружено, но она должна была быть создана преемниками строителей овальных жилищ и, возможно, еще будет открыта археологами.

Косвенным свидетельством наличия такого архитектурного типа в среднеазиатской традиции могут служить изображения арочного одноколонного портала в раннесредневековой живописи и на вещах.

В стеной росписи Пенджикента (объект VI, пом. 13) изображено сырцово-пахсовое здание, в нем два арочных проема — входа на первом и айвана на втором этаже [24, табл. XIII, XV]. Полуциркульные части обоих проемов забраны декоративными щитами, прямоугольные — окомтурены деревянными рамами. Рама айвана разделена на две половины колонной с базой и подбалкой, нижняя часть проемов закрыта деревянной решеткой. От основания архивольта входного портала отходят во внешнюю сторону два завитка. Ворота города в росписи «пещеры с камином» в Кызыле (Восточный Туркестан) имеют одноколонный проем с колонной посередине подпирающей архивольт [31, табл. 53]. Одноколонный портал, часто изображавшийся на согдийских оссуариях, нередко представлен в виде арочного проема, полукруглая часть которого орнаментально оформляется [20, с. 13, рис. 9]. Форма портала может быть

объяснена спецификой устройства арочных проемов в массивных сырцово-пахсовых стенах, с деревянной дверной коробкой и полукруглым щитом заполнения арки. Однако не находит объяснения одна устойчивая деталь — завитки, отходящие от основания архитрава.

В изображении здания на блюде из Берлинского музея завитки арочного одноколонного портала похожи на листья между двумя побегами [32, с. 75—85], отделяющиеся от основания архивольты. На одном из оссуариев VI—VII вв. от центрального архивольты аркады, изображенной на лицевой стенке, также отходят два волютообразных завитка [23, рис. 22—1]. В данном случае горизонтального бруса в основании арки нет, однако четко различаются фактуры архивольты, завитка и вертикального обрамления проема. Аналогичные завитки можно видеть на изображении замка в другой пенджикентской росписи, но только здесь они начинаются вертикальными полосами, примыкающими к пятам архивольты над деревянной рамой портала.

Описанные выше завитки отходят от арочного контура портала в месте его пересечения верхним горизонтальным брусом прямоугольной рамы (аналогичным архитраву в ордерной системе) и выглядят как декоративно обработанные консоли этого бруса. Возможно, оформление порталов монументальных сырцово-пахсовых зданий первоначально воспроизводило деревянную конструкцию фасада каркасных апсидальных построек, подобно тому как в классической архитектуре древней Греции формы каменного ордера повторяли деревянный прототип. Потом образец был забыт, а направление и форма консолей искажены.

Воспроизведение фигурных консолей деревянных прогонов известно в каменной архитектуре древней Индии (волюты на консолях ворот-торана ступы в Санчи I в. до н. э. — I в. н. э.) [14, с. 401, рис. 24—25] и Средиземноморья. В скальных гробницах в Мире второй трети I тысячелетия до н. э. (Ликия) воспроизводятся деревянные постройки, где места пересечения архитрава с контуром портала оформлены цилиндрами (торцы бревен?), очень психозными на волютообразный завиток консоли (рис. II, А5).

О значении, придаваемом одноколонному portalу в ранне-средневековом Согде, можно судить по его изображениям на оссуариях, домашних очажках и заслонках из Самарканда. На некоторых оссуариях в середине лицевой стенки изображен одноколонный портал, прямоугольный или с декоративным полукругом над проемом. Он помещался или на фоне аркады на колоннах, или между двумя орнаментальными кругами, похожими на колеса с восемью спицами (символы светил?), обрамленными двойными изогнутыми листьями [23, с. 77—79, 84—86, рис. 21-1, 22-1, 27-2].

Портик с одной колонной, похожей на дерево, и двумя восьмилепестковыми розетками, помещенными в проемах слева и

справа от колонны, изображен на терракотовой заслонке [23, с. 86, рис. 27-1]. Одноколонный портал или одна колонна нередко изображались в середине внутренней поверхности цилиндров терракотовых домашних очажков Афрасиаба, бытование которых относят к IX—XII вв. [21, с. 228—231]. На двухъярусном очажке из раскопок 1966 г. верхний цилиндр несет изображение одноколонного портала, с каждой стороны от него композиция с деревом в круге из перлов и две пятилопастные арки. В центре нижнего цилиндра прямоугольная панель, разбитая пополам вертикальной линией перлов, по бокам панели две колонны, слева и справа от них в прямоугольных рамках композиции из креста в круге перлов [21, с. 212—214, рис. 2]. В других очажках, с одной или двумя колонками в середине, боковые части цилиндра занимают симметричные изображения орнаментированных кругов, двух пар павлинов, кувшинообразных фигур с птичьими головками, похожих на завязь граната [21, с. 221; рис. 1]. Во всех описанных примерах колонки выполнены высоким рельефом, почти круглые и вынесены перед поверхностью цилиндра. Не означает ли это, что цилиндрическая топка очажков изображает помещение с колонной, расположенной напротив входа, или с двумя колонками в центре? При этом вход может быть или изображен в глубине, или обозначен проемом между лицевыми стенками очажка. Такое предположение перекликается с выводом Л. И. Ремпеля об изображении «дома огня» на лицевых плоскостях очажков [22, с. 27—30; 23, с. 126]. Если создатели очажков стремились изобразить некое помещение, они могли попытаться сделать это и на плоскости и в объеме.

Обращает на себя внимание единство композиционной схемы лицевой стенки оссуариев и развертки цилиндров очажков: в центре одноколонный портал, одна или две колонки, по бокам две симметричные фигуры. Это можно было бы считать проявлением композиционного автоматизма, если бы вещи не обладали столь разной геометрией. Композиция нижней части здания на блюде из Берлинского музея очень близка к той же схеме: по сторонам от одноколонного портала два дерева, около каждого из них две фигуры, похожие на бутон или на завязь плода [32, с. 78—83, табл. 237]. Здесь композиционная иерархия на порядок выше, но во главе ее, как и в других примерах, колонна портала. На оссуариях, которые хронологически предшествуют очажкам, изображался лишь одноколонный портал. Возможно, идеальное представление о пространстве, изображаемом на рассматриваемых предметах, в доарабское время связывалось с одной центральной колонной и лишь между IX и XII вв. стало ассоциироваться с двухколонным портиком или внутренним помещением.

Композиция с порталом или колонной (колоннами) на оси включает элементы, символизирующие светила и огонь: колеса или розетки, фигуры павлинов или павлиньи крылья. Отмечая сходство облика колонок на очажках с деревом, Г. В. Григорьев

предлагал видеть в очажках изображение райского сада — фирдауса, а в симметрично повторяющихся фигурах — символы четырех стихий [11, с. 136—138]. Центральная колонна, похожая на дерево, могла обозначать на терракотах и в постройках вертикальную мировую ось. Соответствия такой трактовке одноколонного портика прослеживаются в остатках культовых сооружений с одноколонными порталами в верховьях Зеравшана, датируемых IX—XI вв. [6, с. 219], т. е. современных очажкам. Резные кронштейны на стволах колонн из Курута и Урметана [6, с. 212, 214, табл. 12, 15] трактованы как побеги на стволе дерева, подобно изображениям колонны — дерева на очажках [23, с. 176, рис. 77-1]. Резные капители и подбалки колонны из Оббурдона, по местному преданию перенесенные из языческого здания, покрыты стилизованными изображениями змей, рыб, птиц, драконов и, возможно, быков [6, с. 210—211, 216, табл. 10, 11], капитель колонны из Курута — изображениями рыб и, возможно, птичьих головок [6, с. 212, табл. 13]. На импосте, капители и стволе колонны из Урметана изображения головы петуха, совы и рыбы переплетаются с растительным орнаментом [6, с. 213—214, табл. 15, 16]. Изображения существ на колонне соответствуют четырем стихиям — огню, воде, земле и воздуху, а на подбалках, возможно, и четырем странам света. Образ вертикальной оси, соединяющей ярусы стихий в единое целое, получивший в литературе название древа жизни, нашел отражение в декоре очажков. На их лицевых плоскостях встречается изображение растений с диском (символом светила?) на вершине, с симметричными ветвями, прорастающими в виде птиц и рогатых животных (коров?), над которыми парят два симметричных сенмурва, т. е. собакоптицы [21, с. 211, рис. 1].

Глиняные рельефы, сохранившиеся, как и резное дерево, в мазаре Мавлоно Мухаммед Али в Сангистане от утраченной постройки, включали орнаментальные круги со свастиками [16, с. 8, рис. 59], в сочетании с центральной колонной составлявшие композицию, подобную разверткам стенок оссуариев и цилиндрических поверхностей очажков. Одноколонный портик с изображением пары розеток на задней стене до сих пор бытует в жилище памирцев.

Видимо, значение одноколонного портика в культуре ранне-средневекового Согда было связано с космогонической образностью сакрализованных пространств: пространства портала обиталища умершего, изображаемого оссуарием; пространства цилиндрической топки домашнего очажка с центральной колонкой или парой колонок; внутреннего пространства культового сооружения с центральной колонной, означающей мировую ось.

Зооморфная символика деревянного ордера, позволяющая видеть в сооружениях верховьев Зеравшана космогонические композиции, языческая по своей сути, дошла до нас лишь в памятниках периода господства ислама. Однако архитектурный образ сложился гораздо раньше — он отражен и в маздеистских

оссуариях, и в доисламской живописи. На формирование центральной древообразной колонны, возможно, оказали влияние два мировых дерева, составляющие основу манихейской космогонии, известной в Средней Азии и Восточном Туркестане уже в первые века распространения учения. Один из фрагментов манихейских текстов из Турфана, датируемых V—VII вв., воспринимается как описание изображений на самаркандских терракотах:

Светлое солнце и полная сияющая луна
Светят и сияют из-за ствола того дерева,
Утренние птицы там радостно напевают,
Поют голубь, павлин разно[цветный]...

[33; цит. по 18а, с. 191].

Вернемся к пенджикентским мазарам. Видимо, их строителям была неизвестна архаическая символика мирового дерева и одноколонного портика. Древние образы неисчерпаемого сосуда, запечатленного в форме основания деги колонны одного мазара, и барана, обозначенного волютообразными рогами подбалки другого мазара, вероятно, воспринимались ими как эстетическая норма архитектуры, окружающей их в повседневном быту (баран, правда, мог служить знаком клановой принадлежности усопшего).

Первый из айванных мазаров — Ишони Хофиз — был скорее всего поспешно возведен над могилой близ дороги. Конкретные обстоятельства строительной ситуации — нехватка качественных материалов и отсутствие высококвалифицированных строителей — вызвали снижение структурного уровня, произвольный возврат к давно пройденному этапу эволюции архитектурного типа. Руководствуясь здравым смыслом, соорудили скатную кровлю, так как постоянного ухода за мазаром не предполагалось, а плоская кровля его требует. Пришлось укрепить двускатный портал мощным горизонтальным брусом, его консоли потребовали минимума декоративного оформления — вот и сложился архаичный облик постройки. Колонна портала, выполненная в обычном для того времени стиле деревянного ордера, явно не соответствовала тектонической мощи лапидарного фасада.

При более капитальном строительстве мазара Хушофиз был учтен опыт предыдущего. Возвели надежную плоскую, с кирпичным бортиком кровлю, появился ряд балок, выраженных на фасаде формами, аналогичными триглифам и метопам, и толстая, сужающаяся вверх колонна, зрительно уравнивающая тяжесть архитрава, балок и козырька кровли. В мазаре Джияншейх Бобо была усилена не только колонна, но и подбалка, а объемная схема усложнена созданием внутреннего помещения усыпальницы. Уравновешенная тектоника усилила воздействие пространственной композиции. Разделенные гармонично развитыми колонной и подбалкой, два проема айвана, как два глаза, пристально смотрят на мир, но для зрителя внутреннее прост-

ранство скрыто, а вход загорожен колонной. Облик мазара впечатляет ясно выраженной метафорой загадки.

За короткий срок на трех мазарах была «проиграна» эволюция архитектурного типа, совершавшаяся некогда в течение веков. С постройкой первого мазара включился универсальный механизм формообразования, с неизбежностью обязывающий в каждом новом сооружении реализовать максимум структурных возможностей, заложенных в данном архитектурном типе. Если бы на кладбище Кабристони Калон пришлось построить еще один айванный мазар, его возвели бы с двухколонным портиком и помещением усыпальницы с внутренними опорами.

Литература

1. *Арандаренко (Арендаренко) Г. А.* Досуги в Туркестане. 1874—1889. СПб., 1889.
2. Архитектура античного мира. Материалы и документы по истории архитектуры. М., 1940.
3. *Аскаров А.* Поселение Заман-баба.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 93. М., 1963.
4. *Брайцева О. И.* Архитектура Фригии, Лидии, Пафлагонии, Ликии и Кари.— Всеобщая история архитектуры (ВИА). Т. 1. М., 1970.
5. *Вайнберг Б. И.* Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме.— Археологические открытия 1971 г. М., 1972.
6. *Воронина В. Л.* Резное дерево Зеравшанской долины.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1950 (Материалы и исследования по археологии, № 15).
7. *Воронина В. Л.* Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
8. *Воронина В. Л.* Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана.— Советская этнография (СЭ). М., 1957, № 1.
9. Всеобщая история архитектуры. Т. 1. Архитектура древнего мира. М., 1944.
10. *Гафферберг Э. Г.* Хазарейская юрта ханай хырга (к вопросу об истории кочевого жилища).— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. XIV. Л., 1953.
11. *Григорьев Г. В.* Тус-тупи.— Искусство. М., 1937, № 1.
12. *Кармышева Б. Х.* Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана.— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Вып. 10—11. Сталинабад, 1956.
13. *Кауфман С. А.* Архитектура Эгейского (Крито-Микенского) мира.— ВИА. Т. 1.
14. *Короцкая А. А.* Архитектура Индии.— ВИА. Т. 1.
15. *Маркузон В. Ф.* Архитектура древней Греции.— ВИА. Т. 2. М., 1973.
16. *Мухтаров А.* Резьба по дереву в долине Зарафшана (Альбом средневековых орнаментов). М., 1966.
17. *Наршахи М.* История Бухары. Таш., 1897.
18. *Оганисян К. Л.* Архитектура Урарту.— ВИА. Т. 1.
- 18а. *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
19. *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв. Душ., 1974.
20. *Пугаченкова Г. А.* Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах.— Труды Института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Таш., 1950.
21. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Самаркандские очажки.— Из истории искусства великого города. Таш., 1972.
22. *Ремпель Л. И.* Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках

- с Афрасиаба.— Доклады Академии наук Таджикской ССР. Вып. 9. Сталинабад, 1953.
23. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Таш., 1961.
24. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
25. Смирнова О. И. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1.
26. Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы.— СЭ. 1954, № 4.
27. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948.
28. Флиттнер Н. Д., Ходжаш С. И. Архитектура додинастического периода (V—IV тысячелетий до н. э.).— ВИА, Т. 1.
29. Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1.
30. Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen, 1969.
31. Le Coq A. Bilderatlas sur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. B., 1925.
32. Pope A. U. Sasanian Garden Palace.— Art bulletin. N. Y., 1933, vol. 15, № 1.
33. Salemann C. Manichäische studien. I Die mittelpersischen texte.— Записки Имп. Академии наук. VIII serie. По историко-филологическому отделению. СПб., 1908, т. 8, № 10.
34. Sinos S. Die vorklassischen hausformen in der Ägäis. Mainz am Rhein, 1971.